

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ
БЕСТСЕЛЛЕР

**ДЕБОРА
ЛЕВИ**

ГОРЯЧЕЕ
МОЛОКО

Москва
2017

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44
Л36

Deborah Levy
HOT MILK

Copyright © 2016, Deborah Levy.
All rights reserved

Фото автора © Sheila Burnett

Перевод с английского *Елены Петровой*
Художественное оформление *Андрея Старикова*

Л36   **Левы, Дебора.**
Горячее молоко / Дебора Левы ; [пер. с англ. Е. С. Петровой]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 288 с. — (Интеллектуальный бестселлер).

ISBN 978-5-699-98869-3

Молодая героиня София, сменившая профессию антрополога на работу официантки, приезжает с больной матерью Розой в испанский городок. Между хрупкой и не уверенной в собственном будущем Софией и властной Розой намечается конфликт: Роза относится к дочери как к служанке и недовольна ее пассивностью и холодностью. Личная драма дочери постепенно перерастает в нечто большее: Испания превращается в мифический берег, с медузами, таинственными целителями, странными предзнаменованиями. «Горячее молоко» — роман-мираж, поэтичный и переливчатый.

УДК 821.111-31(71)
ББК 84(7Кан)-44

ISBN 978-5-699-98869-3

© Петрова Е., перевод на русский язык,
2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

*Август 2015 года.
Альмерия. Юг Испании*

Сегодня в пляжном баре уронила на бетонный пол свой ноутбук. Он выскользнул у меня из черного каучукового чехла (в форме кармана) и грохнулся экраном вниз.

Это я к чему говорю: если он разбит, то вместе с ним и я. У меня экранная заставка — лиловое звездное небо: тут тебе и созвездия, и Млечный Путь (в классической латыни *Via Lactea*). Много лет назад мама сказала мне, что «Млечный Путь» по-гречески пишется *γαλαξίας κύκλος* и что Аристотель наблюдал этот молочный круг в Халкидиках, откуда тридцать четыре мили до нынешнего города Салоники, где родился мой отец. Древнейшей звезде тринадцать миллиардов лет, но на моей заставке всем звездам два года, и сделаны они в Китае. Теперь Вселенная треснула.

И я тут бессильна. Наверное, в соседнем захолустном городишке есть интернет-кафе и его владелец иногда принимает компьютеры в мелкий ремонт, но сейчас придется заказывать новый экран, который придет через месяц, не раньше. Буду ли я здесь через месяц? Не знаю. Это зависит от моей недужной матери, которая сейчас спит под противомоскитной сеткой в соседней комнате. Проснется и закричит: «София, воды»; я принесу ей воды —

и, как всегда, не той. Я уже не уверена, что такое «вода», но принесу на свой выбор: из холодильника, не из холодильника, из чайника — вскипяченную и остывшую. Глядя на звездные поля своей заставки, я то и дело причудливым способом улетаю за пределы времени.

На часах всего одиннадцать вечера; я могла бы дрейфовать по морю на спине, глядя в настоящее ночное небо, на реальный Млечный Путь, да только дергаюсь из-за медуз. Вчера после обеда меня одна такая ужалила повыше локтя, наградив жутким лиловым рубцом, как от удара плетью. Пришлось нестись по раскаленному песку в дальний конец пляжа к сараюшке-медпункту, чтобы получить какое-нибудь снадобье у студента (с окладистой бородой), который целыми днями несет свою вахту для оказания помощи ужаленным купальщикам. Он меня просветил: по-испански «медуза» так и будет *medusa*. Раньше я думала, что Медуза — это древнегреческая богиня, которая была проклята и стала неумолимым чудовищем: всякий, кто встречался с ней взглядом, превращался в камень. Почему, интересно, в ее честь назвали студенистое животное? И бородач ответил: да, все так, но, по его мнению, щупальца студенистого животного напоминают волосы Медузы, которые всегда изображаются в виде спутанного клубка извивающихся змей.

Перед входом в медпункт я успела заметить желтый предупредительный флаг с картинкой мультяшной Медузы. Клыки и безумные глаза.

— Когда поднят флаг с таким значком, в воду лучше не заходить. Разве что на свой страх и риск.

Студент приложил к ранке вату, пропитанную подогретой морской водой, а затем попросил меня внести свои данные в бланк, больше похожий на петицию. Это был список отдыхающих, которые в тот день пострадали от медуз. На бланке требовалось указать имя, возраст, род занятий и страну происхождения. Непосильная задача, если предплечье у тебя покрылось волдырями и горит. Парень объяснил, что ему приходится у каждого брать подпись для того, чтобы медпункт не закрыли, — времена в Испании тяжелые. Не будь у туристов спроса на его услуги, он бы остался без работы, поэтому медузам он явно рад. Они дают и кусок хлеба, и бензин для мопеда. Вглядевшись в бланк, я увидела, что возраст ужаленных колеблется от семи лет до семидесяти четырех; в основном это приезжие из разных концов Испании, но среди них затесалось несколько туристов из Великобритании и один из Триеста. Всегда хотела побывать в Триесте, потому что название звучит почти как *tristesse*, забавное словечко, хоть и означает по-французски «печаль». По-испански это будет *tristeza*, что на слух тяжелее, чем французская печаль, — скорее скрип, нежели шелест. Во время купания ни одной медузы я не заметила, но студент объяснил, что щупальца у них очень длинные, а потому жалить они могут с расстояния. Его указательный палец был липким от мази, которую он сейчас втирал мне в руку. Вроде бы в медузах он разбирался. Они прозрачные, потому что на девяносто пять процентов состоят из воды и за счет этого легко маскируются. Основная причина, почему они так расплодились во всех океанах, это неконтролируемый вылов рыбы. Главное — не

расчесывать и не сдирать волдырь. На руке могли остаться клетки медузы, и расчесывание приведет к тому, что они выпустят еще больше яда, но специальная мазь обезвредит жалящие клетки. Пока он говорил, я смотрела на мягкие розовые губы, которые шевелились в его бороде, как медуза. Передав мне огрызок карандаша, студент попросил все же заполнить бланк.

Имя: София Папастергиадис.

Возраст: 25 лет.

Страна происхождения: Великобритания.

Род занятий: ...

Медузам нет дела до моего рода занятий, так какая разница? Это болезненная тема, хуже, чем укус медузы, и более серьезная проблема, чем моя фамилия, которую никто не может ни выговорить, ни написать. Я объяснила, что у меня диплом антрополога, но пока что работаю в Восточном Лондоне, в кофейне «Кофе-хаус»; там у нас отреставрированные церковные скамьи, бесплатный вай-фай. Зерна обжариваем сами, варим три вида фирменного эспрессо... что писать в графе «род занятий» — непонятно.

Студент подергал себя за бороду.

— Как я понимаю, антропологи изучают первобытных людей?

— Да, только единственный первобытный человек, которого мне довелось изучать, — это я сама.

Я вдруг поймала себя на том, что невыносимо скучаю по тихим росистым британским паркам.

Мне захотелось растянуться на зеленой травке, где никаких медуз нет и в помине. В Альмерии зеленую траву можно увидеть разве что на поле для

гольфа. В этих краях когда-то даже снимали спагетти-вестерны: пыльные, засушливые, выжженные солнцем холмы до боли напоминают Дикий Запад; в одном из таких фильмов играл сам Клинт Иствуд. У настоящих ковбоев, должно быть, постоянно трескалась губы; у меня, например, от зноя губы жутко пересохли — каждый день мажу их бальзамом. Может, ковбои обходились животным жиром? А вглядывались ли они в бескрайнее небо, тоскуя по ласкам и поцелуям? Отвлекались ли от невзгод, блуждая в таинственных лабиринтах космоса, как порой отвлекаюсь я, созерцая далекие галактики на заставке разбитого экрана.

Студент, похоже, разбирался в антропологии не хуже, чем в медузах. Пока я в Испании, он хочет предложить мне «уникальную тему для исследования».

— Ты заметила белые пластиковые конструкции, покрывшие всю Альмерию?

Еще бы, как не заметить этот призрачный кошмар? Он повсюду, куда ни глянь: заполонил все равнины и долины.

— Это теплицы, — говорит студент. — В пустыне температура внутри таких теплиц достигает сорока пяти градусов. Работают там в основном иммигранты-нелегалы — собирают помидоры и перцы для отправки в супермаркеты, но это практически рабство.

Так я и думала. Если скрыто от глаз, значит, есть там что-то неприглядное. Раз прячут — стало быть, не зря. В детстве я часто закрывала лицо ладошками, чтобы никто меня не нашел. А потом вдруг поняла, что из-за этого, наоборот, люди начинают внимательней ко мне приглядываться — хотят выяснить, что же я такое прячу.

Парень взглянул сперва на мою фамилию, а затем — на большой палец своей левой руки, который он зачем-то начал сгибать и разгибать, словно проверяя сустав.

— Ты ведь гречанка, да?

Его внимание настолько рассеяно, что я теряюсь. За все это время он ни разу не взглянул мне в глаза. Поэтому заученно повторяю: у меня отец — грек, а мать — англичанка, и родилась я в Великобритании.

— Греция меньше Испании, но не способна платить по счетам. Мечта умерла.

Я спросила, что он имеет в виду — экономику? Да, говорит, сейчас он учится в магистратуре на философском факультете Гренадского университета, но считает, что ему повезло устроиться на лето в пляжный медпункт. Если к моменту окончания им университета в нашем «Кофе-хаусе» будут вакансии, он отправится в Лондон. А к чему относилось «мечта умерла», он и сам не знает, у него лично другое кредо. Наверное, где-то вычитал — и фраза прилипла. На самом деле он не считает, что мечта умерла. Прежде всего, чья мечта? Единственная знаменитая мечта, которая ему вспоминается, — из речи Мартина Лютера Кинга «У меня есть мечта», но обычно, когда говорится «мечта умерла», подразумевается, что нечто зародилось, а теперь оборвалось. Только мечтателю решать, умерла его мечта или нет, и больше никому.

А потом студент неожиданно выдал целую фразу по-гречески и выразил показное удивление, когда я сказала, что не понимаю.

Постоянный источник неловкости: ношу фамилию Папастергиадис, а на родном языке отца не говорю.

— У меня мама — англичанка.

— Это понятно, — ответил он на своем безупречном английском. — Я в Греции всего раз был, в Скиатосе, но все же по верхам понахватался.

Как будто хотел слегка меня уколоть за отмежевание от всего греческого. Отец бросил нас с мамой, когда мне было пять лет, а поскольку мама — англичанка, говорит она со мной в основном по-английски. Да и вообще, его-то каким боком это касается? Пусть бы лучше ожог мой лечил.

— Видел вас с мамой на площади.

— Возможно.

— Она не ходит?

— Иногда Роза двигается нормально, а иногда нет.

— Роза — это твоя мать?

— Да.

— Зовешь ее по имени?

— Да.

— А мамой не называешь?

— Нет.

Вибрация маленького холодильника в углу медпункта заставляла предположить нечто мертвое, стылое, но дрожащее. Первой мыслью было: нет ли там случайно бутылок с водой. *Agua con gas, agua sin gas*¹. У меня навязчивая идея: как бы научиться приносить матери более правильную воду.

Студент взглянул на часы.

— По инструкции, человек, обратившийся по поводу укуса медузы, должен пробыть здесь не менее пяти минут. Нужно удостовериться, что ему не угрожает сердечный приступ или какая-нибудь другая напасть.

---

¹ Вода с газом, вода без газа (*исп.*).

Он снова указал на графу «род занятий», которую я так и не заполнила.

Вероятно, из-за того, что ожог нестерпимо болел, я стала рассказывать студенту свою жалкую, непримечательную жизнь.

— У меня на первом месте не работа, а забота: забота о Розе.

Во время моего рассказа он безостановочно водил пальцами по лодыжкам.

— Мы приехали в Испанию, чтобы попасть в клинику Гомеса и узнать, что у мамы с ногами. Первичный прием — через три дня.

— У твоей мамы паралич конечностей?

— Вряд ли. Мистика какая-то. Тянется уже давно.

Студент начал снимать полиэтиленовую пленку с ломтя белого хлеба. Я решила, что хлебный мякиш нужен для второго этапа лечения моего ожога, но оказалось, это банальный сэндвич с арахисовым маслом, излюбленный ланч студента.

Откусив небольшой кусочек, он стал жевать; черная лоснящаяся борода пришла в движение. Да, клинику Гомеса он, как оказалось, знает. Репутация у нее хорошая; знает он и женщину, сдавшую нам небольшой прямоугольный домик на берегу. Это жилище мы выбрали из-за отсутствия лестниц. Там все на первом этаже: две спальни через стенку, рядом кухня; и, что немаловажно, оттуда рукой подать до главной площади, где находятся ресторанички и местный супермаркет SPAR. В двух шагах от нас — школа дайвинга *Escuela de Buceo y Nautica*¹, кубической формы белое двухэтажное здание с ок-

---

¹ Школа дайвинга и плавания (*исп.*).

нами-иллюминаторами. В вестибюле сейчас ремонт. Каждое утро, грохоча большими жестяными ведрами белил, туда приходят двое рабочих-мексиканцев. На огороженной крыше школы, прикованная к железной перекладине, сидит на цепи тощая овчарка, которая круглые сутки воет. Ее хозяин Пабло, директор школы дайвинга, но Пабло днюет и ночует в своем компьютере за симулятором дайвинга — игрой под названием *Infinite scuba*. Обезумевшая собака гремит цепью и регулярно порывается спрыгнуть с крыши.

— Пабло никто не любит, — согласился студент. — Он из тех, кто цыпленка заживо ошиплет.

— Хорошая тема для полевого антропологического исследования, — сказала я.

— Какая?

— Почему никто не любит Пабло.

Студент поднял вверх три пальца. Я поняла, что в медпункте мне придется отсидеть еще три минуты.

Утром весь мужской персонал школы дайвинга ведет практическое занятие: учит будущих дайверов надевать гидрокостюм. Новичкам не по себе от воя посаженной на цепь овчарки, но первое задание ими выполнено. На втором занятии они научатся заливать через воронку бензин в пластмассовые баки, а потом перевозить их на электрокаре через полосу песка и загружать в лодку. Технология транспортировки довольно сложная, в отличие от той, которой довольствуется швед-массажист Ингмар, примерно в это же время расставляющий свою палатку. Насадив на ножки кушетки шарики для настольного тенниса, Ингмар заталкивает ее в шатер прямо по песку. На овчарку Пабло массажист жалуется не кому-нибудь,

а мне, как будто мое случайное соседство со школой дайвинга делает меня совладелицей несчастного животного. Во время сеансов ароматерапевтического массажа вой, лай, скулеж и попытки собачьего суицида не дают клиентам расслабиться.

Студент спросил, не отказало ли у меня дыхание.

Начинаю думать, что ему хочется задержать меня в медпункте еще дольше.

Он поднял один палец.

— Тебе осталось пробыть у меня еще одну минуту, после чего я обязан повторно спросить о твоём самочувствии.

Хорошо бы мне расширить свою жизнь.

Главное ощущение у меня такое: пусть я неудачница, но лучше уж работать в «Кофе-хаусе», чем заниматься проводить опросы среди покупателей, чтобы выяснить, почему они выбирают ту, а не другую стиральную машинку. Большинство моих однокурсников устроились этнографами в разные фирмы. Если этнография предполагает описание культуры, то маркетинговые исследования тоже не чужды культуре (в каких жилищах и в каких природных условиях обитают люди, какой принцип лежит в основе распределения обязанностей по стирке белья среди членов общины), но, в конечном счете, такая деятельность все равно сводится к продаже стиральных машин. А что касается полевых исследований, я еще не уверена, что соглашусь ими заниматься даже в том случае, если мне поручат лежать в гамаке и наблюдать, как в тенечке пасутся священные буйволы.

Я не шутила, говоря, что тема «Почему никто не любит Пабло» подходит для серьезного полевого исследования.

А моя мечта умерла. Я приблизила ее кончину, когда оставила в Восточном Лондоне свою охромевшую мать в одиночку собирать груши в нашем саду, а сама упаковала вещички и уехала в университет. Там получила диплом с отличием. Столь же успешно продолжила обучение в магистратуре. И все-таки моя мечта умерла: с началом маминой болезни, когда я бросила аспирантуру. Файл с незавершенной диссертацией по сей день покоится за растрескавшейся заставкой моего ноута, как невостребованный труп самоубийцы.

Да, какие-то явления только ширятся (например, убожество моих жизненных целей), но не те, что хотелось бы. Лепешки, подаваемые в «Кофе-хаусе», ширятся (уже стали размером с мою голову), рецепты ширятся (в каждом теперь столько информации, что он сам по себе становится полевым исследованием), а также мои бедра (от питания сэндвичами, сдобой...). А остаток на банковском счете ужимается, равно как и плоды маракуйи у меня в саду (при том, что гранаты растут не по дням, а по часам, равно как и загрязнение атмосферы, равно как и мой стыд за то, что пять раз в неделю я ночую в подсобке над «Кофе-хаусом»). В Лондоне я почти всегда в изнеможении валюсь на узкую детскую кровать и впадаю в ступор. Если опаздываю на работу, никогда не могу придумать отговорку. Но самая невыносимая часть моей трудовой деятельности — это посетители, которые вечно донимают меня просьбами разобраться в их компьютерных мышках и зарядных устройствах. Все посетители спешат куда-то дальше, а я убираю за ними посуду и пишу ценники на чизкейки.